

Танцуй
как звезда!



Анастасия Дроздова

Только для девчонок

Анастасия Дробина
Танцуй как звезда!

«ЭКСМО»

2014

Дробина А. В.

Танцуй как звезда! / А. В. Дробина — «Эксмо», 2014 — (Только для девчонок)

Лера всегда мечтала танцевать. Она покупала диски с видеоуроками, повторяла движения за известными танцорами, но денег на профессиональные курсы не хватало, поэтому девушка была уже готова распрощаться со своей мечтой. Но однажды случай привел ее к... цыганке, в прошлом звезде театра, и та пообещала научить ее танцевать. Теперь Лере предстоит побороть свой страх сцены, сшить умопомрачительное платье и выступить на школьном концерте!

Анастасия Дробина

Танцуй как звезда!

В актовом зале гремела бразильская самба. Праздничный концерт ко дню рождения школы завершился выступлением танцевальной пары из одиннадцатого класса. Ира Шестова в своём жёлтом костюме, сверкающем стразами и блёстками, была великолепна. Сильно подведённые глаза, яркая помада и накладные ресницы делали её совсем взрослой. Высокий, широкоплечий партнёр вертел и крутил Иру, как игрушку, они летали по сцене в жгучем ритме барабанного боя, и зал захлёбывался аплодисментами. Лера Стрепетова из девятого «А» сидела сжав руки на груди и не могла оторвать взгляда от танцующей пары. От восторга трудно было дышать и хотелось плакать. Она даже не замечала, что её уже с минуту трясут за плечо и жаростно шепчут:

– Стрепетова! Стрепетова-а!!! Лерка! Эй, оглохла, что ль?!

– Ну, чего тебе, Светка?..

– Да на что ты там уставилась?! Они третий год одно и то же танцуют! Лучше вон, повернись! Вон туда, назад! Где девятый «Б» сидит!

Чтобы отвязаться от подруги, Лера повернулась. Ну и что?.. Ромка Лагутин из параллельного класса. Как всегда – уставился в упор своими цыганскими глазищами, сопит и молчит. И чего она там не видела, спрашивается?! Лера дёрнула плечом и снова повернулась к сцене. Но самба уже закончилась, последние аккорды утонули в грохоте аплодисментов. Шестова и Герасимов кланялись, а на сцену, радужно улыбаясь, поднималась директриса – поблагодарить танцевальный дуэт «от всего школьного коллектива».

Из школы Лера с подругой вышли вместе. Ромка Лагутин стоял у ворот в компании парней, хохотавших над чем-то на всю улицу. Лагутин не смеялся. И Лера в который раз почувствовала себя неуютно под взглядом этих чёрных упорных глаз из-под густых, почти сросшихся бровей.

Лагутинские взгляды Лера Стрепетова ловила на себе уже второй год, и они её больше злили, чем радовали. А сегодня после самбы в школьном зале Лере было и вовсе не до молчаливого поклонника. В ушах до сих пор стучали страстные бразильские барабаны, перед глазами мелькало жёлтое искрящееся платье и белозубая улыбка Шестовой. Сердце сжималось от давней, безнадёжной тоски.

– Стрепетова, да что ты скисла? – пихнула её локтем Светка Глушко. – Было бы из-за чего... Шестова с Герасимовым с яслей вместе танцуют, уже «по мастерам» работают... ну, куда нам-то до них? Я же вот не расстраиваюсь! А мне сегодня ещё с Михой в поликлинику, и Варькиных пелёнок полный таз, и погулять с ней, а колесо у коляски соскакивает! И памперсы надо купить, и кашу сварить, пока мамка поспит! А то всю ночь Варьку на руках носила с её коликами! И Витьку, балбеса, во дворе отловить, чтоб уроки сделал! А отец со смены придёт, есть потребует! Ему-то что!

Лера только вздохнула. Её лучшая подруга была старшей дочерью в многодетной семье, и Светке для полного счастья вполне хватало часа тишины в квартире. Впрочем, и такого пустяка подруга, по её словам, не видела никогда. Но Глушко всё равно оставалась жизнерадостной, как весенний воробей:

– Наплевать! Повырастают же когда-нибудь, тогда и вздохнём с мамкой спокойно! Лерка, да повернись ты! Глянь, как Лагутин на тебя смотрит! Скоро дырку прожёт! Улыбнулась бы хоть...

– Зачем?

– Как это зачем?! Жалко пацана, обстрадался! Ж-ж-жастокая ты, Стрепетова, ужас просто!

– Чушь не гони! – рассердилась Лера. – Скажи лучше – шторы сегодня приносить?

– Ты уже дошла?! – обрадовалась Светка. – О-о-о, молодец какая! Что значит – руки из правильного места растут, не то что у меня! Вот мамка рада будет! Нет, ты пока не неси – а то она заметит, и сюрприза не выйдет! Я сама зайду и заберу! Ой, вон автобус! Ну всё, Стрепетова, пока! Я за памперсами поехала, а то до поликлиники с Михой не успею, Галин-ванна сегодня до четырёх, а прививочный кабинет... Сто-о-ой! Стой, подожди-и, говорят тебе! Забери многодетную-ю-ю!

Автобус уже отходил, но Глушко лихо, как джигит в седло, вскочила в него – и укатила за памперсами.

Оставшись одна, Лера вздохнула с облегчением. Обычно она огорчалась, когда приходилось идти из школы без Светки, но сегодня болтовня подружки только раздражала её. Острая тоска ещё стояла в груди, и Лера шла медленно, словно боясь её расплескать.

Конечно, Глушко права, и до Ирки Шестовой ей, Лере, как до луны пешком. Что с того, что она уже давно мечтает о бальных танцах? Конечно, чтобы танцевать, как Шестова и Герасимов, нужно было заниматься с младенчества, без конца тренироваться, репетировать, ездить на конкурсы и даже выигрывать их. Всё это Лера знала. Ещё два года назад она рискнула подойти в школьном коридоре к блистательной Шестовой и срывающимся от волнения голосом спросить – где можно научиться так танцевать? Шестова посмотрела на неё, как на раздавленную гусеницу, и сквозь зубы процедила:

– Танцевать хочешь, конопатая? В Дом культуры иди! Там для таких убогих курсы открыли! Может быть, ещё пенсионера с костылём себе в партнёры подберёшь!

Подружки Шестовой расхохотались. Залившаяся краской Лера поспешила убраться. Светка Глушко долго ругала «выпендюху» и «стервозину» Шестову, но в Дом культуры подругу отправила чуть ли не силой.

«Попытка – не пытка, сходи да узнай! Хуже-то не будет! Хочешь – с тобой пойду? Только Миху придётся с собой взять, девать-то некуда».

Но Лера отказалась: не хватало только тащить с собой на буксире вечно сопливого Миху с его погремушкой... Для солидности она влезла в туфли на каблуках, накрасила губы и тронулась в ДК.

Танцевальные курсы она нашла сразу: звуки вальса разносились по всему второму этажу. Лера пошла на музыку и через минуту уже осторожно заглядывала в полуоткрытую дверь, за которой вертелись по паркету пары. Это оказались совсем маленькие мальчики и девочки – второй класс, не старше. Но малышки были одеты в разноцветные платья и туфельки на каблуках, волосы у всех стянуты в аккуратные пучки на затылках, а мальчики в строгих чёрных брюках и блестящих ботинках. Они танцевали вальс, фокстрот, самбу, рок-н-ролл и снова вальс... а Лера смотрела на них, представляла, как эти детишки будут танцевать к её годам, и чувствовала, что слёзы подступают к горлу. Сейчас она казалась самой себе древней старухой, упустившей в жизни все возможности.

Поговорить с дамой-тренером, расхаживающей среди своих питомцев на высоченных каблуках, Лера так и не решилась. Вместо этого осторожно вытянула из пластикового конвертика на стене листовку. «Бальные танцы для начинающих! – гласила она. – Любой возраст, любой уровень подготовки! Вы хотите танцевать? Приходите к нам!!!» Обрадовавшись, девочка взглянула на цену занятий – мелким шрифтом в конце листовки – и со стоном прислонилась к стене.

Домой она вернулась мрачнее тучи. Светке не стала даже звонить и до вечера проревела на кухне. Однако к восьми часам, когда отец должен был вернуться с дежурства домой, все следы страданий были ликвидированы. Лера понимала: таких денег у папы всё равно нет, а раз так – незачем ему настроение портить... У кардиохирурга в районной больнице и так работа нервная.

Ещё с неделю Лера лазила в Интернете по танцевальным сайтам, надеясь отыскать в Москве курсы подешевле. Но высоченные цены были повсюду. А когда Лера взглянула на стоимость профессиональных костюмов и обуви, ей чуть не стало дурно. Для этого нужно было быть дочерью не врача, а директора нефтяного завода. Но даже если бы она и добыла откуда-то денег и купила бы себе это всё – что толку? Время упущено безнадежно, и танцевать самбу и рок-н-ролл так, как вредоносная Шестова, она, Лера Стрепетова, не сможет никогда.

Всё же Лера не сдалась: на крошечные сбережения были куплены несколько дисков с латиноамериканской музыкой, а в Интернете найдена программа по обучению танцам. Костюм Лера сшила себе сама: уж что-что, а это она умела. «Хоть хлеба кусок в руках будет!» – приговаривала когда-то бабушка, сажая крошечную внучку за швейную машинку и показывая, как заправлять под «лапку» ткань и вставлять нить. К четырнадцати годам Лера получила на день рождения от отца великолепную швейную машину и оверлок. Теперь она могла сшить что угодно – от кисейных занавесок в спальню до пальто. А уж сварганить из блестящей ткани коротенькую юбочку «под латину» было вовсе парой пустяков.

Базовые движения самбы были кое-как выучены. Для того чтобы в одиночестве выплясывать дома перед зеркалом и крутить попой на школьных дискотеках, этого хватало. Но Лера понимала – всё это ерунда, и профессионального уровня ей не видать как своих ушей. Хорошо Шестовой, у которой отец работает в мэрии, а мать – тренер по танцам, знаменитая Мария Багирова... Лера несколько раз видела её по телевизору. И саму Шестову, конечно, видела тоже – они с Герасимовым уже всюду выступали «по мастерам» и даже брали призы и кубки... Помнится, Ирка даже давала интервью в «Спортивных новостях» и дрожащим голосом, явно подражая кому-то, благодарила своих родителей за то, что они всячески помогали ей и поддерживали, и чуть не с соской во рту водили на занятия, возили по конкурсам, покупали костюмы, и... Да что там говорить. Повезло девчонке...

А вот её, Леру, в детстве даже некому было водить на занятия. Отец работал с утра до ночи, и прямо из школы Лера прямиком отправлялась в ателье к бабушке. И делала там уроки среди лоскутов, тесёмок и огромных рулонов ткани под стрёкот швейных машин. Какие уж там были танцы, какие занятия... Но, вспоминая своё «портняжное» детство, Лера ни о чём не жалела. Бабушка была добрая и ласковая, от неё пахло духами «Лесной ландыш» и песочным печеньем. Своими мягкими морщинистыми руками она творила чудеса над куском материи, превращая его то в супермодные брюки, то в юбку-клёш, то в «принцессино» платье с кружевами для внучки. А портнихи закармливали Леру конфетами, дарили пёстрые лоскутки, могли в две минуты свертеть из этих тряпочек смешную куклу или зверька и жалели: «Ой, бедный ребёнок, каково без матери-то расти...» Лера, слыша это, только пожимала плечами. Мамы она совсем не помнила. Только на фотографии, стоящей на столе у отца, она видела женщину со слабой улыбкой, тонкими бровями и рыжими волосами. «Самыми красивыми на свете», – неизменно утверждал отец. Лера с ним не спорила: он ведь любил маму... Но, ежедневно глядя на себя в зеркало и видя там веснушчатую и зеленоглазую физиономию под рыжей копной непослушных волос, она только вздыхала. Какое уж тут «самая красивая на свете»... Матрёшка конопатая, и больше ничего – права Шестова...

Обуреваемая мрачными мыслями, Лера зашла в магазин на углу, купила продуктов на ужин и поволокла тяжеленную сумку домой. На улице было тепло, апрельское солнце грело почти по-летнему, и по дороге до дома девочка взмокла, как мышь под зимней шапкой.

В довершение неприятностей, перед самым подъездом опять обнаружился джип Борова. Огромная чёрная машина перегородила дорожку, передними колёсами чуть не въехав на крыльцо, а задними удобно устроившись в клумбе с едва проклюнувшимися нарциссами.

– Ах ты, гад! Опять!!! – от возмущения Лера чуть не уронила сумку.

Жильца с третьего этажа по кличке Боров дружно ненавидел весь двор. Он был здоровым, богатым и наглым, владел какой-то строительной компанией в центре Москвы и посему

считал, что ему всё на свете можно. Устрашающих размеров джип ставился перед подъездом в удобное для хозяина место, плотно загораживая проход. Иногда в машине включалась оглушительная музыка – тоже в удобное для Борова время. Чаще всего это было среди ночи, и во всём дворе не могли заснуть ни старики, ни младенцы. Главный пенсионер двора, полковник в отставке Геннадьич, громогласно ругался и обещал написать министру обороны – но дальше обещаний дело пока не шло. А может, министру было не до Геннадьича... Соседи ходили жаловаться в полицию, но Боров с участковым был на «ты», от заявлений граждан откупался – и всё оставалось по-прежнему.

Сейчас чёрный джип снова стоял впритык к крыльцу. Лера подумала, что протиснуться в подъезд мимо этого монстра она, конечно, сумеет. Но вот что будет делать Светка Глушко, когда соберётся в поликлинику вместе с Михой и его коляской? Михин экипаж и так было непросто спустить со ступенек, а уж теперь... Лера яростно посмотрела на блестящую машину. Огляделась. Маленький двор был безлюден, даже чахлый столик под липой, на котором вечерами пенсионеры под предводительством Геннадьича «забывали козла», ещё пустовал. И Лера решила. Мстительно сопя, она достала из сумки пакет кефира, отвинтила крышечку – и щедро залила ветровое стекло джипа густой белой жидкостью. Пакетов у неё было два, и другой Лера собиралась пустить на заднее стекло.

Вторая крышечка уже была почти откручена, когда с диким грохотом разверзлась дверь подъезда.

– Ты что делаешь?! Ты что, так твою растак, делаешь?! Да я тебя шас...

Боров, громыхая и матерясь, скатился по ступеням. Лера пискнула, присела, подхватила сумку – и дала дёру.

Куда она мчалась – Лера не знала и сама. Надежда была на то, что Боров быстро отстанет, – но он не собирался сдавать. Лера даже удивилась на бегу: как такой жиртрест может так носиться? Пришлось бросить сумку и поднажать. Школьный рюкзак больно бил по спине. Дав зигзаг по двору, Лера пулей влетела в распахнутую дверь соседнего подъезда, где шёл ремонт, и понеслась вверх по лестнице, перескакивая через мешки с краской и цементом.

Ход был, что и говорить, глупый. Выше чердака всё равно было не подняться, и там Боров точно припёр бы её к стенке и, скорее всего, убил бы... Но внезапно распахнулась дверь квартиры на первом этаже.

– Стрепетова, сюда давай!

Перепуганная девочка не успела даже ничего понять – а чьи-то руки уже схватили её и втащили в квартиру. Дверь захлопнулась, стало темно. Снаружи, ругаясь и топая, как мамонт, пролетел Боров. Зажмурившись, Лера с ужасом ждала, когда он начнёт трезвонить в дверь. Но Боров, похоже, не разглядел, в какой квартире исчезла юная мстительница. Он долго ещё сотрясал весь подъезд, носясь по лестницам вверх-вниз и угрожая размазать «рыжую заразу» по стене, когда поймает... Наконец бешено хлопнула дверь вниз и наступила тишина.

Лера осторожно открыла глаза. Высвободила пальцы из-под горячей ладони, лежащей на них. Шёпотом спросила:

– Лагутин, это ты?

– Я, – проворчали рядом. – Ну, ты, Стрепетова, даёшь... Не испугалась?

– Ещё как испугалась, – искренне ответила Лера. – Спасибо...

Они помолчали. Лера украдкой осмотрелась. Прямо над ней с вешалки свисала величественная каракулевая шуба, пахнувшая французскими духами. Из глубины квартиры доносилась музыка: видимо, работал телевизор. С кухни тянуло чем-то вкусным. Лера чувствовала себя очень глупо, сидя на полу чужой квартиры в обнимку со школьным рюкзаком. Нужно было как-то вставать и отправляться домой, но ноги до сих пор постыдно дрожали.

– Он тебя узнал? – наконец спросил Ромка.

– Не знаю... – Лера поёжилась.

– Ну да. Тебя попробуй не узнай. – Лагутин кинул взгляд на её волосы. Затем посмотрел Лере прямо в лицо своими чёрными глазами, и она снова испугалась.

– Лагутин, я... пойду, наверное. Спасибо тебе, мне пора.

– Подожди, – буркнул он. – Сиди пока. – И не дав ей возразить, вышел из квартиры.

Лера осталась одна. Зачем-то отодвинулась ещё дальше под шубу и с беспокойством подумала о том, что, в общем-то, почти ничего о Ромке Лагутине не знает.

Позапрошлой осенью по их классу пробежал шепоток: «В параллельный класс цыган пришёл!» На первой же перемене Лера его увидела: черноглазый смуглый парень с хмурым лицом стоял в окружении пацанов из девятого «А». Когда же прозвенел звонок и ребята толпой двинулись в класс, оказалось, что новенький заметно прихрамывает. Лере тогда почудилось, что он выглядит выше и старше других мальчишек. Так и оказалось: Лагутину было уже пятнадцать, и он должен был учиться не в седьмом, а в девятом.

«Второгодник! Бандит, наверное! Ногу в драке перебили! Цыгане – они такие! – пожимала плечами Светка Глушко. – Ты, Лерка, смотри, поосторожнее!»

«Я?.. Почему?!»

«А видала, как он на тебя глядел?!»

Подруга всегда замечала вещи, которые Лере и в голову не приходили. Вечером того же дня Глушко вывалила целый ворох новостей о новеньком:

«Ты знаешь, что у него родителей нет?! Ну, может, есть, но они не здесь живут! Вообще неизвестно где находятся! Кочуют, может быть? Помнишь, как в «Колесе любви»? А Лагутин у бабки обитает! У артистки из нашего двора! Знаешь её?!»

Конечно, Лера знала эту красивую, по-молодому стройную старуху с блестящими чёрными глазами и лёгкой сединой в волосах, заколотых в старомодный валик. Лагутинской бабке было лет шестьдесят, но она носила туфли на каблуках и передвигалась по улице красивой и лёгкой походкой. Лерин отец сказал однажды, что Софья Николаевна была в своё время очень знаменита и выступала в цыганском театре. Лера, услышав это, слегка заинтересовалась: тогда они со Светкой смотрели сериал «Колесо любви» и дружно восхищались главной героиней – цыганкой Астартой, которая пела, плясала, носилась за бандитами с ножом в зубах и скакала на лошади, как ковбой. Глядя на Астарту в телевизоре, Лера чуть было не изменила бальным танцам: ей отчаянно хотелось так же кружиться, запрокидываться в страстной пляске, бить чечётку и трясти плечами.

«Губы на место закатай! – посоветовала реалистка Глушко. – Этому научиться нельзя! Так только сами цыганки могут, у них в крови!»

Лера вздохнула и подумала, что Светка, наверное, права.

Второй год внук старой цыганки ходил в одну школу с Лерой. Девчонки из его класса рассказывали, что учится он, вопреки прогнозам, очень неплохо. Также не оказался Лагутин ни хулиганом, ни драчуном. Лишь однажды он крепко прижал к стенке здорового Димку Гольшева, обозвавшего Лагутина «одноногим». Парни с готовностью окружили их (рядом был кабинет завуча), но полноценной драки не получилось. Лагутин лишь подержал противника несколько секунд за горло, сказав ему пару проникновенных слов, а затем аккуратно уложил сипящего Димку на линолеум и, прихрамывая, отправился в класс. Гольшев до самого звонка просидел на полу, вытаращив глаза и разевая рот, как пойманный карась... и больше к Лагутину не приближался.

Хотя крепкой дружбы в школе Ромка ни с кем так и не завёл, парни отзывались о «цыгане» с уважением, а некоторые из девчонок даже находили его красивым. «Стрепетова, снизошла бы, а?! – хихикали подружки. – Он же на тебя с первого дня запал! Глаз просто не сводит! Счастье ты наше цыганское!» Лера, слыша это, только пожимала плечами: хмурый черноглазый мальчишка ничуть её не интересовал. К её облегчению, Лагутин ни разу не попытался заговорить с ней, пригласить в кино или кафе. Встречаясь с парнем во дворе, Лера бро-

сала ему: «Привет!» «Привет», – спокойно, без улыбки отвечал он. Чёрные огромные глаза, казалось, пронизывали девочку насквозь. Лера чувствовала себя неуютно и торопилась уйти.

А сейчас она сидит на полу в прихожей лагутинской квартиры и дожидается невесть чего... Не хватало ещё, чтобы вышла Ромкина бабуля и спросила, что делает под её шубой посторонняя рыжая девица! Лера уже была готова потихоньку смыться, когда Лагутин вернулся.

– Плохо дело, – сообщил он. – Боров в своей тачке внизу сидит. Похоже, отследить тебя решил.

У Леры по спине побежали мурашки.

– Господи, как же мне теперь?! – простонала она. – Я же домой не попаду! О-о, мне же ещё уроки делать! И ужин готовить!

– Но не до ночи же Боров там сидеть будет... – неуверенно сказал Роман. – Пошли пока обедать. Бабка борщ сварила.

Только сейчас Лера поняла, чем так вкусно пахнет на всю квартиру.

– А твоя бабушка не рассердится? – с опаской спросила она. – Что мы... что я... Ну, что я тут?

В это время звуки музыки в глубине квартиры смолкли. Вместо них раздался низкий женский голос:

– Ромка, у нас гости? Почему в прихожей держишь? Приглашай немедленно!

Лера невольно вздрогнула. Лагутин, взглянув на неё, скупое усмехнулся:

– Ну, идём.

Сопротивляться было глупо. Лера вздохнула и пошла вслед за Романом.

Коридор привёл в огромную комнату, в которой, к удивлению Леры, почти не было мебели. У стены, сплошь завешанной фотографиями и яркими плакатами, стоял стол, покрытый старой бархатной скатертью. Почти всю стену напротив занимало огромное зеркало, а в зеркале отражался монументальный рояль. За роялем восседала Софья Николаевна в зелёном спортивном костюме. Только сейчас Лера догадалась, что звуки музыки шли не из телевизора (которого в комнате не было вовсе), а из-под пальцев лагутинской бабки.

– А-а, девочка, это ты? – спросила старая цыганка, широко улыбнувшись. Лера поразились: у старухи были идеально ровные, белые, очень красивые зубы.

– Сергея Палыча дочка, доктора? Лерочка?

– Да... Здравствуйте...

– Здравствуй, здравствуй. Подойди поближе, дай посмотрю на тебя. – Бабка окинула растерявшуюся Леру пристальным взглядом. – У-у-у, какая у Сергея Палыча красавица выросла! Это ведь твои собственные волосы, не красишь? Боже мой, какая прелесть! Я бы в молодости за такой цвет полжизни отдала! Ромка, ты посмотри, они у неё как золотые! Вот это да!!!

Лера почувствовала, что неудержимо краснеет. В сторону Лагутина она боялась даже взглянуть. К счастью, он молчал. А бабка не унималась:

– У тебя зелёные глаза?! Это не эти ваши... линзы? Нет?! Ну, слава богу! А то, когда я нашу Эсму увидела на Рождество с голубыми глазами, то чуть дуба не врезала! Решила, что старческий маразм досрочно начался! А она, видите ли, решила, что будет в голубых линзах страшно хороша! Хорошо, хоть муж ей сказал, что – или у него жена черноглазая, как была, или он разводится! Так у тебя не линзы, Лерочка? О-о-о, великолепно, великолепно... Да ты самая красивая во дворе! И в школе, наверное?!.

– Софья Николаевна!!! – Лера не знала, куда и деваться. – Я не самая красивая! Я вообще не красивая! Спасибо вам, конечно... А это чей у вас портрет? Это вы, да?!

Манёвр удался: бабка перестала превозносить прелести незваной гостьи и повернулась к большому портрету на стене. Он был написан маслом: молодая цыганка в красном платье с открытыми плечами держала в зубах розу, а в пальцах – дымящуюся папиросу и дерзко, почти

нагло улыбалась. Иссиня-чёрные, выющиеся волосы сбегали по алому шёлку костюма до талии. Смуглое лицо было очень живым и озорным: казалось, юная цыганка вот-вот высунет язык. Выражение это показалось Лере смутно знакомым.

– Это вы? – шёпотом повторила она.

– Похожа, да? – довольно заметила Софья Николаевна. – Нет, не я, а моя дочка. Вот его мать, – показала она на Романа, который стоял в дверях и тоже смотрел на портрет. – Рада Лагутина в роли Кармен! Известный художник её рисовал! А пляшет как! А поёт как! Если бы только не... ай! – вдруг оборвала она саму себя, резко махнула рукой и отвернулась. Роман вполголоса сказал бабушке несколько слов на непонятном для Леры языке.

– Говори по-русски, когда в доме гости, сколько раз повторять! – сердито велела бабушка. – И вообще, – почему девочка голодная до сих пор?! Марш оба на кухню обедать! Я сейчас приду! Мне ещё десять минут играть!

– Твоя бабушка – пианистка? – вполголоса спросила Лера, когда они с Ромкой оказались на крохотной, очень чистой кухне. На плите булькал, источая пленительный аромат, борщ. На стенах, как в деревенском доме, висели связки лука, чеснока и перца.

– Нет... Так, для себя играет, – махнул рукой Роман, шаря в буфете в поисках половника. – Говорит, что, если хотя бы час в день за роялем не высидит, пальцы уже как деревянные.

Лера с уважением покивала. Роман разлил по тарелкам борщ, нарезал хлеб, предупредил: «Если ещё захочешь – говори, тут много!» – и они принялись за еду.

Через несколько ложек Лера поняла, что непременно захочет ещё: борщ Софьи Николаевны был одновременно сладковатым и острым, пахучим и невероятно вкусным. Девушка как раз прикидывала, как вежливо попросить добавки, когда квартиру прорезал отчаянный звонок. В дверь трезвонили так, словно начался пожар. Вскоре прибавились удары кулаком и пронзительные вопли:

– Открывайте! Эй, кто дома?! Ромка, открывай! Бабушка!!! Да что вы там, спите, что ли?! От-кры-вай-те!!!

– Эмка?... – слегка удивлённо сказал Лагутин и взглянул на часы. – Рановато... Стrepетова, ты сиди ешь. – И быстро вышел. Лера осталась на кухне одна.

Первым делом она щедро долила себе борща из кастрюли и быстро-быстро его съела. В животе немедленно образовался приятный кирпич. Девушка блаженно отвалилась на стену и стала прислушиваться к диким крикам из комнаты.

– Я их убью! Я их всех поубиваю, вот умереть мне на месте! И эту Патрину, и весь её выводок сопливый! Ведь на мину-у-уту всего из комнаты вышла, – и что?! И что, я вас спрашиваю?! Вытащили – развернули – ножницы где-то отыскивали – и вот!!! Это не дети, это свины малолетние какие-то, один вред от них! Вот никогда в жизни ни одного не рожу!!! Боже мой, боже мой, что же я теперь буду делать?! О-о-о, завтра концерт, а костюм пропал, что я дяде Мише скажу-у-у?! Он же меня с программы снимет и прав будет! О-о-о, я лучше утоплюсь!!! Прямо на машине в Москву-реку с набережной брошусь!

Сначала Лера слушала это всё спокойно: в конце концов, скандал в чужой квартире никак её не касался, и вмешиваться было бы невежливо. Но магические слова «ножницы» и «костюм» заставили её подняться из-за стола и двинуться в сторону прихожей. «Я же должна «спасибо» за борщ Софье Николаевне сказать!» – подбодрила она саму себя. И осторожно заглянула в приоткрытую дверь гостиной.

Там бушевал тайфун. Молодая цыганка в чёрном брючном костюме носилась по комнате, запустив обе руки в распущенные кудри, и голосила на всю квартиру. Из-за рояля за ней довольно спокойно наблюдала Софья Николаевна. А Роман, сидя на полу, озабоченно перебирал в пальцах красную блестящую материю, волны которой устилали весь пол перед роялем.

– Ну что мне теперь делать, ну что?! Ведь на самом видном месте дыру сделали! – По смуглому лицу молодой цыганки бежали слёзы. – И рукав отрезали по живому! И весь лиф разрезан до пупа! Что я теперь на сцену надену?!

– У тебя же другие есть, – напомнила Софья Николаевна. – Надень зелёное!

– Не могу, в зелёном Патрина будет!

– Жёлтое!

– В жёлтом – Галя!

– Чёрное с розами!

– В розах будут Анжела и Ольга! А в чёрном – Симка! А я одна в красном должна была выйти, и как теперь?!

– Шубу мою надень... – безнадёжно посоветовала бабушка. Молодая цыганка всплеснула руками и расплакалась навзрыд. Роман сосредоточенно морщил лоб. Его густые брови сошлись на переносице в одну сплошную линию.

– А что, никак нельзя починить? – спросила Лера. Спросила, как ей показалось, тихо, но безутешные рыдания тут же смолкли. Цыганка подняла мокрое от слёз лицо и уставилась на гостью широко распахнутыми чёрными глазами – точно такими же, как у Романа.

– Это кто?.. – изумлённо спросила она.

– Наша соседка, Лерочка – опередила запнувшуюся Леру Софья Николаевна. – Замечательная девочка! Посмотри, какая красавица! Лерочка, а это наша Эсма! Эсмеральда Лагутина, артистка цыганского театра!

– Моя сестра, – добавил Роман.

– Оч-чень приятно... – вздохнула Эсма, отворачиваясь. Было очевидно, что она вот-вот вернётся к истерике, и Лера торопливо спросила снова:

– Разве никак нельзя переделать?

– Девочка, что ты такое говоришь?! – Эсма схватила за голову. – Это тебе не колготки заштопать! Это эстрадный костюм! Может, мне ещё заплатку на животе пришить?! Что вы мне все глупости говорите, я и так уже пропала-а-а...

– Да позвони же, глупая, своей портнихе, пока время есть! – сердито сказала бабка. – Неужели она тебе не сделает до завтра?

– Куда я ей позвоню, куда?! – зашлась в крике Эсма. – Эта курица в отпуск укатила! В Анталье в бассейне сидит! Нашла время отдыхать! До конца сезона больше месяца, а она... Эй, эй, девочка, что ты делаешь?!

Но Лера уже сидела на полу рядом с Романом и разглядывала злополучный костюм. Он, казалось, действительно был безнадёжно испорчен. Один пышный рукав был отрезан вкривь и вкось, посреди усыпанного стразами лифа зияла безобразная дыра, оборка по низу юбки сплошь была искромсана, а сама юбка зигзагом раскрыта сверху донизу.

– Очень даже просто можно сделать... – бормотала Лера, рассматривая это безобразие. – Переставить оборку на рукав... А лиф застрочить блёстками... Эсма, хотите, я вам это почию?

Огромные глаза молодой цыганки стали, казалось, ещё больше.

– Девочка моя! – вкрадчиво заговорила она. – Ты с ума сошла, родная? Это – эстрадный костюм! Он две тысячи евро стоит! Профессиональная театральная мастерица шила на заказ! Думаешь, если ты крестиком вышивать научилась, так сможешь...

– Эта девочка шьёт, как парижская модистка! – вдруг вмешалась Софья Николаевна. – Не обижай её попусту!

Лера, которой в голову не приходило, что старая цыганка знает о её умении шить, поражённо молчала. Софья Николаевна продолжала в полной тишине:

– Эмка, а что ты, собственно, потеряешь? Пусть Лерочка посмотрит, что тут можно сделать.

– Да она же последнее испортит! – завопила Эсма.

– Я испорчу?! – возмутилась Лера. И вдруг, вскочив, метнулась в прихожую. Эсма и бабушка изумлённо переглянулись и дружно уставились на Романа.

– Обиделась, наверно! – проворчал тот. – Ну, Эмка, всегда ты со своим языком...

Он не успел договорить: Лера ворвалась обратно в комнату с собственным пальто в руках. Это было короткое пальто-трапеция нежно-оливкового цвета, и Лера победоносно развернула его перед Эсмой:

– Вам нравится?

– Очень миленько... – недоверчиво протянула та, оглядывая пальто. – Да... красиво. Ну ещё бы, это же «Дольче-Габбана», вон лейбл на подкладке! Я бы себе тоже такое купила! Девочка, а зачем ты мне его показываешь...

– Я это пальто сама сшила! – с триумфом сообщила Лера. – По выкройке из «Бурды»! А лейбл со старой тёткиной юбки срезала и пристрочила! И никто в школе до сих пор не догадался, что это – самошток! Вот!

– Брось, врешь! – сощурилась Эсма чёрным глазом. – Этого быть не может!

– Можете позвонить моему папе! Я при нём и кроила, и шила!

– Но... кто же тебя научил?

– Бабушка. Она говорила, что у меня кусок хлеба в руках должен быть!

– Золотые слова! – подтвердила Софья Николаевна и повернулась к внучке. – Ну что, Эсмеральда Григорьевна, рискнёшь?

Тон у бабки был абсолютно серьёзным, но взгляд – самым хулиганским. «Эсмеральда Григорьевна» озадаченно смотрела то на Леру, то на испорченный костюм, то на оливковое пальто.

– Эмка, хуже ведь не будет, – серьёзно сказал Роман.

– Тебя, шпингалет, вообще не спрашивают! – отмахнулась та. И снова с недоверием посмотрела на Леру. – Девочка, а до завтра сможешь успеть?

– Всю ночь буду сидеть! – пообещала та.

В голове царил полный ералаш: «Господи, зачем я только... А вдруг правда совсем испорчу?! Это же шёлк с атласом, они трудные, распарывать нельзя... Оборку на живот переставить... Ой, меня эта Эсма убьёт, если что! Новую иглу на машинку, наверное, поставить надо... А уроки когда?! А утром первый-то – англиш...»

– Лерочка! – Эсма вдруг кинулась к ней и, схватив за плечи, крепко прижала к себе. – Если сделаешь – потом что хочешь проси! Хоть гору золотую! Отдам!

– Все свои цапки в кучку сложит – как раз наберётся! – съязвил Роман.

– Я постараюсь! – пропыхтела Лера, высвобождаясь из пламенных цыганских объятий. – Честное слово! Ромк, так я, наверное, домой пойду?

Роман повернулся к сестре:

– Эмка, Боров наш у подъезда ещё сидит?

– Это жирный, который на джипе? Сидит! – пожала плечами Эсма. – Работы у него, что ли, нет, или заняться нечем? И где это он весь джип белой краской залил? Помыл бы его лучше, дурак...

Лера в отчаянии уставилась на Романа. Тот задумался на миг – и распорядился:

– Иди на кухню, будешь у нас уроки делать! Что у тебя там?

– Англиш и алгебра... – уныло сказала Лера. – Лагутин, а вдруг Боров там весь день просидит? Как же я домой вернусь?

– Придумаем что-нибудь, – успокоил Роман. – Иди, доставай свой англиш.

– Ты на Эмку не обижайся, – сказал он, когда они с Лерой снова оказались вдвоём на кухне. – От неё только шума много... а так она добрая. Я когда в Париже в больнице лежал, она мужа в Москве бросила, ко мне примчалась и со мной жила там почти год! Мама с Петькой

не могли, у них контракт был в Нью-Йорке... От Эмки муж после этого ушёл, – а ей хоть бы что! И плевать, сказала, мужей сколько хочешь может быть, а брат у меня один! Год назад вот опять замуж вышла, этот пока терпит...

– Где-где ты лежал в больнице?.. – оторопело переспросила Лера. Роман коротко взглянул на неё, явно пожалев о сказанном. Помолчав, нехотя повторил:

– В Париже. Там мы работали тогда. Мы с Петькой на машине ехали – и в поворот не вписались. У меня после этого и нога...

– Петька – это твой брат?

– Отчим.

– А... где вы работали?

– В кабаре. Мы и мама.

– И ты?! – поразились Лера. – А... что ты делал?

– Много чего, – сказал Роман таким тоном, что девушка сразу поняла: говорить об этом ему не хочется. Она поспешно открыла учебник английского – и сразу сморщилась:

– Опять перевод с русского Годзилла задала...

– Что такое? – Лагутин заглянул в её учебник. – Ну, и что? Для детского сада!

– Да ну?! – вскинулась Лера, которая вообще была не в ладах с английским. Заданное упражнение было, на её взгляд, просто кошмарным. Требовалось перевести на английский язык две страницы текста о бразильских животных.

– Раз ты такой умный, то помоги! Давай-давай, переводи! А я записывать буду!

Лера сказала это из вредности – и никак не ожидала, что Лагутин пожмёт плечами, возьмёт в руки учебник и, глядя в текст, преспокойно заговорит по-английски.

Ромка переводил ровно, без запинки, не задумываясь ни на миг – а Лера, ошарашенная, не могла отвести взгляда от его смуглого, грубоватого лица с опущенными в книгу глазами и густыми, почти сросшимися бровями. «Господи... он же красивый какой!» – вдруг мелькнуло в голове. И этой мысли Лера вдруг испугалась так, что ручка задрожала у неё в пальцах. Как назло, именно в этот момент Роман поднял глаза и мрачно спросил:

– Ты чего не пишешь? Если сама умная – так и скажи, я своим делом займусь! Ты... чего так на меня смотришь, Стрепетова?

– Я?... – Лера снова почувствовала, как кровь приливает к щекам. Ещё не хватало, чтобы Лагутин заметил, как она на него пялится! – Я... забыла, как пишется «манки»... А откуда ты так английский знаешь?! Лучше нашей Годзиллы!

– Полгода в Нью-Йорке работали, – сквозь зубы пояснил он. Положил на стол учебник, показав нужное Лере слово, – и вдруг повернулся всем телом на истошный крик Эсмеральды из гостиной:

– Ромка-а-а! Ромка, иди сюда! Я не могу под запись работать! Поиграй мне!

– Извини, я сейчас, – коротко сказал он. И вышел из кухни.

Вскоре из гостиной опять послышалась музыка. Но на этот раз звучали не бурные раскаты рояля, а короткие, мелодичные гитарные аккорды. Услышав их, Лера встала с табуретки. Тут же села обратно. Благоразумно напонила себе, что находится в чужой квартире, куда её, в общем-то, никто не приглашал, и что подсматривать неприлично. Стиснув зубы, она героически постаралась углубиться в английский перевод. Но к гитаре уже присоединились лёгкие, ритмичные удары каблучков – и Лера не выдержала. На цыпочках прокралась через пустую прихожую и заглянула в зал.

Посреди комнаты на паркете плясала Эсма. На ней была обычная трикотажная маечка с Микки-Маусом и длинная юбка, волосы подобраны в небрежный узел. Молодая цыганка шла по кругу, неуловимо ускоряя ритм, поводя плечами, взмахивая и разводя руками, – а каблучки её туфель не смолкали ни на миг. Танец был лёгким, как тополиный пух, летящий над городом, и порывистым, как пламя под ветром. Руки Эсмы взлетали крыльями – и вместе с ними взлетал

подол юбки. Расходилась волнами оборка – и мелькали под ней каблучки. Цыганка гнулась в талии – и резко выпрямлялась, летела по кругу – и замирала вдруг, дрожа плечами и опустив длинные ресницы. Это было так невозможно, невыносимо красиво, что у Леры перехватило дыхание. Астарта из «Колеса любви» выглядела бы рядом с Эсмой просто неумелой клоунессой в цыганском наряде. Напрочь забыв о приличиях, Лера припала к дверной щели. Из сладкого оцепенения её вырвал недовольный голос самой танцовщицы, которая вдруг остановилась и топнула ногой:

– Нет, не то! Совсем не то! Ромка, а ну с начала медленную часть! Опозорюсь завтра!

Только сейчас Лера заметила Романа. Он сидел на стуле у дальней стены, в полумраке. В руках у него была гитара. Потрясённая девушка поняла, что это он и играл. На окрик сестры Лагутин ничуть не обиделся, кивнул и начал снова. Он играл без видимого труда, словно выполняя давно знакомую работу, едва касаясь струн. И Лере казалось, что гитара сама по себе вздрагивает аккордами, которые спешили вслед за каблучками Эсмы.

Лера на цыпочках вернулась в кухню. И долго ещё сидела не двигаясь, обхватив голову руками и зачарованно глядя на связку чеснока у плиты. Перед глазами вилась и расходилась волнами широкая юбка, звонко и ласково стучали каблучки, взлетали тонкие смуглые руки, вздрагивали гитарные струны. «Господи... – билось в голове. – Господи...»

Вскоре вернулся Роман – и нахмурился:

– Ты что – спишь, что ли, тут, Стрепетова? До сих пор «манки» не нашла?

– Нашла! – спохватилась Лера, кое-как принимая непринуждённый вид. – Поехали дальше, переводи! А ты по-французски случайно не говоришь?

Она спросила это в шутку и не ожидала, что Роман кивнёт.

– Говорю. Но хуже, чем по-английски. Лучше всего испанский помню.

– П-п-почему?..

– А мы там жили три года. Я совсем маленький был. Эмка в Севилье училась фламенко танцевать, а мама в ресторане пела, – буднично пояснил Роман, перелистывая страницы учебника. – Я тогда самый первый в семье по-испански заговорил! Мама меня всегда в магазины брала, чтоб я ей переводил... Ты будешь писать или нет?!. Тут ещё полторы страницы!

– Буду... – пробормотала Лера. В голове царил сумбур.

За вечер Роман выходил из подъезда на разведку раз пять. Лера успела сделать все уроки, помочь Софье Николаевне почистить картошку и в сотый раз пообещать Эсмеральде, что костюм будет готов непременно завтра, а оскорблённый Боров по-прежнему восседал в своём джипе и сверлил взглядом подъездную дверь.

– Это не Боров, а ишак какой-то, – сообщил Роман, в очередной раз вернувшись со двора. – Он так и всю ночь просидеть может. Оставайся, Стрепетова, ночевать, сейчас бабка твоему отцу позвонит и...

– Ещё чего! – всполошилась Лера. – А костюм Эсмин когда перешивать?! Ну уж нет, я пошла! Ничего он мне не сделает! Может, и не узнает в темноте!

– Это твой-то костёр? – хмыкнул Роман, покосившись на Лерину рыжую шевелюру.

– Может... шапку какую-нибудь дашь?

– Угу... – хмыкнул Роман. – Шляпу бабкину, с вишнями и перьями. Из Парижа. Вон, висит, примерь...

Посмотрев на этот сельскохозяйственный шедевр, свисающий с вешалки, Лера чуть не заплакала.

– Что делать-то, Лагутин?!

– Что-что... Полезем через крышу, – распорядился он. Поймав испуганный взгляд девушки, пояснил: – Сейчас ведь во всём доме ремонт, чердаки открыты. Вылезаем по лестнице на крышу, через твой чердак спускаемся к тебе в подъезд. А Боров пусть хоть до утра там

пасётся... – Роман вдруг рассмеялся, блеснув зубами. – Вот придурок, даже стекло не отмыл! Весь твой кефир присох намертво!

– Ну, тогда пошли! – решила Лера.

Лагутин не обманул: дверь на чердак действительно была открыта настежь, и на мешки с цементом падал столб голубого света. Сначала Лера решила, что это горит фонарь. Но когда она вслед за Романом начала подниматься по ржавой лесенке на крышу, то оказалось, что над домом висит здоровущая круглая луна. Чёрные, ещё голые ветви деревьев пересекали её тонкой сеткой. Это было так красиво, что Лера застыла на ступеньке.

– Стрепетова, ну что там? – Роман нетерпеливо обернулся. – Зацепилась за что-то?

– Нет... На луну гляжу.

Он, обернувшись, тоже посмотрел. Затем протянул руку Лере и, одним мощным рывком вытягивая её на крышу, вполголоса сказал:

– Красивая какая – умереть...

– Луна? Да, мне тоже нра...

– Ты.

Лера растерялась так, что не смогла даже улыбнуться в ответ. Некоторое время они стояли, не двигаясь, посреди мешков, кирпичей и мотков проволоки. Лера, чувствуя на себе внимательный взгляд парня, упорно смотрела через его плечо на луну. Молчание уже становилось натянутым, когда Роман негромко сказал:

– Пошли... Давай сюда пакет. И держись за меня, споткнёшься тут ещё.

Лера молча взяла его за руку – подумав при этом, что споткнётся скорее сам Ромка с его хромотой. Но Лагутин, держа в одной руке пакет с Эсминым костюмом, а другой придерживая Леру, на удивление ловко передвигался в темноте среди строительного хлама. Они спустились по шатающейся лесенке чердачного люка в подъезд Леры. Роман отдал пакет, затем вылез обратно на крышу, бросил «Пока» и исчез. Лера медленно пошла вниз по ступенькам на свой этаж. Пальцы ещё ощущали тепло жёсткой Ромкиной ладони. Сердце бухало как сумасшедшее.

Кардиохирург высшей категории Сергей Павлович Стрепетов вернулся с дежурства в третьем часу ночи. Обычно в это время в квартире было темно, и, увидев свет в комнате дочери, Сергей Павлович встревожился. Наспех сбросив в прихожей ботинки, он прошёл в квартиру.

Маленькая комната была завалена волнами красной материи. Алый шёлк лежал на полу, каскадом сбегал с письменного стола, свисал с компьютера и расстилался на подоконнике между геранями. Как только Сергей Павлович приготовился задать вопрос, со стола пулемётной очередью ударила швейная машинка. Крошечная лампочка освещала сосредоточенное лицо Леры. Было очевидно, что дочь ничего не слышит и не видит. Сергей Павлович дождался тишины и осторожно спросил:

– Лера, ты знаешь, который час?

– Не знаю, – невнятно (в зубах было зажато полтора десятка булавок) ответила та. – Как дела, пап? Как у Жильцова клапан на сердце?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.